

Джоанн
Каррис

Читайте в авторской серии Джоанн Харрис

БЛАЖЕННЫЕ
ШОКОЛАД
ЕЖЕВИЧНОЕ ВИНО
ТЕМНЫЙ АНГЕЛ
МАЛЬЧИК С ГОЛУБЫМИ ГЛАЗАМИ

Мальчик
с голубыми
глазами

Джоанн
Харрис

ЭКСМО

Москва
2013

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Вел)
Х 21

Joanne Harris
BLUEEYEDBOY

Copyright © 2010 by Frogspawn Ltd

Перевод с английского *И. Тогоевой*

Художественное оформление серии
А. Саукова, Ф. Барбышева

Харрис Дж.

Х 21 Мальчик с голубыми глазами / Джоанн Харрис ; [пер. с англ. И. А. Тогоевой]. — М. : Эксмо, 2013. — 672 с. — (Пленительный роман. Проза Джоанн Харрис).

ISBN 978-5-699-64485-8

В Интернете появился новый блогер под ником blueeyedboy. На страницах своего журнала он помещает жутковатые истории, подробно описывая то, как планирует убийства разных людей, и всячески отрицая, что действительно совершает что-то подобное. Ну разве что он желал смерти брату, который погиб в автокатастрофе, но ведь желать не значит убивать, правда? Его читатели восторженно комментируют эти истории, но постепенно кое-кто начинает подозревать, что все это не пустая болтовня...

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Вел)

© Тогоева И., перевод на русский язык, 2013
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

ISBN 978-5-699-64485-8

Кевину, у которого тоже голубые глаза

И я хочу спросить, как вам нравится ваш голубоглазый мальчик, госпожа Смерть.

Э. Э. Каммингс

Часть первая СИНЯЯ

Жила-была одна вдова, и было у нее три сына, и звали их Черный, Коричневый и Синий. Черный, старший, был угрюмым и агрессивным. Коричневый, средний, — застенчивым и глупым. А Синий, любимец матери, был убийцей.

1

ВЫ ЧИТАЕТЕ ВЕБ-ЖУРНАЛ BLUEEYEDBOY¹

Размещено в сообществе:

badguysrock@ebjournal.com

Время: 02.56, понедельник, 28 января

Статус: публичный

Настроение: ностальгическое

Музыка: Captain Beefheart, Ice Cream for Crow

---

¹ Голубоглазого мальчика (*англ.*). (Здесь и далее примечания переводчика.)

Цвет убийства — синий, так он думает. Синий, как лед, синий, как табачный дым, синий, как тело давно умершего человека в морозильной камере, синий, как мешок для перевозки трупов. Но это еще и его цвет, во многом для него характерный; этот цвет у него в крови; он распространяется по его телу вместе с кровотоком, вспыхивает голубыми электрическими искрами и вопиет о грязном убийстве.

Синий цвет он видит и чувствует везде и всюду — на голубом экране компьютера, в синеватых венах на ее руках, в данный момент поднятых и переплетенных, как следы пескожилов на пляже в Блэмпле, куда каждый год в день его рождения они ходят все четвером; там ему покупают вафельный рожок с мороженым и позволяют шлепать по мелководью; он выискивает маленьких крабов, которые прячутся под выброшенными на берег водорослями и тщетно пытаются от него удрать, а он ловит их и бросает в ведерко. Там на жаре они потом и умирают, поскольку солнце в день его рождения всегда светит особенно ярко.

Пока ему всего четыре года, и есть нечто совершенно невинное в том, как он осуществляет эти маленькие убийства, уничтожая ни в чем не повинных существ. В его действиях нет ни капли злонамеренности — одно лишь острое любопытство, вызванное судорожными попытками несчастных тварей спастись. Сначала он с интересом смотрит, как упрямо они бегают по кругу на дне его синего

пластмассового ведерка, а спустя несколько часов, когда они все же сдаются и падают на спину, вывернув наружу клешни и показывая беззащитное подбрюшье, он уже занят исключительно мороженым (кофейным — весьма необычный и изысканный выбор для такого малыша, но ванильное ему никогда не нравилось). Под конец дня, вновь обнаружив добычу в своем ведерке — из которого все полагается вытряхнуть, прежде чем идти домой, — он как-то невнятно поражен, найдя пленников мертвыми, и все думает: неужели эти штуковины вообще были живыми?

Мать замечает, что он сидит на песке с широко раскрытыми от удивления глазами и тычет пальчиком в мертвого краба. Но ее заботит не то, что ее сын — убийца, а то, что он чересчур восприимчив, что его многое огорчает и расстраивает; она не понимает, почему это таким образом на него воздействует.

— Не надо играть с этим, — говорит ему мать. — Гадость какая! Пойдем отсюда.

— Почему гадость? — спрашивает он.

Хороший вопрос. Эти твари в ведерке простояли здесь весь день, и никто их не трогал. Немного поразмыслив, он приходит к выводу:

— Они умерли. Я собрал их в ведерко, и теперь они умерли.

Мать берет его на руки. Именно этого она больше всего и боится: взрыва эмоций, возможно, рыданий и слез или чего-нибудь такого, что заставит

матерей других детишек переглядываться и пересмеиваться.

— Ты не виноват, — утешает она. — Это вышло случайно. Ты не виноват.

«Вышло случайно», — эхом проносится в его голове, но он уже понимает, что это неправда. Ложь. И вовсе не случайно. Это он во всем виноват! И то, что мать отрицает его вину, смущает его гораздо больше, чем ее пронзительный голос и то, как лихорадочно она сжимает его в объятиях, пачкая ему футболку своим маслом для загара. Он вырывается — он ненавидит любой беспорядок, любую грязь, — и теперь мать смотрит на него уже с раздражением, пытаясь понять, не собирается ли он и впрямь разреветься.

А он решает, стоит ли зареветь. Может, она как раз этого и ждет? С другой стороны, он чувствует, что мать встревожена, что изо всех сил старается защитить его от боли. И этот запах маминого горя чем-то напоминает ему кокосовый аромат ее масла для загара, смешанный с запахами тропических фруктов. И вдруг его словно током ударяет: они мертвые! Мертвые! И он действительно начинает плакать.

Мать ногой закапывает в песок остальную его улов: улитку, креветку, маленькую камбалу, совершенно плоскую, с крошечным ротиком-полумесяцем, концы которого трагически опущены вниз.

— Ну вот и отлично! — повторяет она, старательно улыбаясь. — Ничего больше нет.

Она пытается превратить случившееся в игру, но при этом крепко прижимает к себе своего голубоглазого мальчика, чтобы никакое, даже самое малейшее чувство вины не затмило его ясного взора. «Он же такой чувствительный! — беспокоится она. — И воображение у него на удивление развито». Его братья совсем другие — с их вечно исцарапанными коленками, непричесанными волосами и драками перед сном. Им не нужна ее защита, им и друг друга достаточно. И приятели у них есть. Те сыновья любят ванильное мороженое, а когда играют в ковбоев (выставив два пальца так, будто стреляют из револьвера), надевают белые шляпы и ловят «плохих парней».

Ее голубоглазый малыш совсем другой. Любознательный. Впечатлительный. Порой она говорит ему: «Ты чересчур много думаешь», и сразу видно: эта женщина любит слишком сильно и никогда не признает, что объект ее обожания обладает хоть каким-то реальным недостатком. Да, он уже вполне понимает, что мать души в нем не чаёт и стремится защитить от всего на свете, от самой крошечной тени, промелькнувшей на голубом небосклоне его жизни, от любой возможной травмы и даже от тех травм, которые он наносит другим.

Ведь материнская любовь все принимает без критики, слепо, материнская любовь склонна к

самоотречению и самопожертвованию, способна простить все — внезапные вспышки гнева, слезы, равнодушие, неблагодарность или жестокость. Материнская любовь — это черная дыра, которая вбирает в себя любую критику, любое обвинение, такая любовь способна оправдать кощунство, кражу и ложь, способна даже самый гнусный поступок сына превратить в нечто незначительное, доказать, что ее мальчик не виноват...

Ну вот и отлично! Ничего больше нет.

И не было никакого убийства.

КОММЕНТАРИИ В ИНТЕРНЕТЕ

Captainbunnykiller: Блеск, чувак! Ты жжешь!

ClairDeLune: Просто замечательно, Голубоглазый. По-моему, тебе следует больше раскрыться, подробнее описать свои взаимоотношения с матерью и то, как они впоследствии на тебя повлияли. Я, например, не верю, что человек рождается плохим. Просто порой мы делаем неправильный выбор, вот и все. С нетерпением жду следующей главы!

JennyTricks: (сообщение удалено).

JennyTricks: (сообщение удалено).

JennyTricks: (сообщение удалено).

blueeyedboy: Ого! Ну спасибо вам!..

2

ВЫ ЧИТАЕТЕ ВЕБ-ЖУРНАЛ BLUEEYEDBOY

Время: 17.39, понедельник, 28 января

Статус: ограниченный

Настроение: сама добродетель

Музыка: Dire Straits, Brothers in Arms

Мой брат погиб всего минуту назад, но печальная новость уже достигла моего веб-журнала. Это к вопросу о том, как мало времени нужно на распространение всевозможных сплетен и слухов: шесть или семь секунд — снять случившееся на мобильный телефон, секунд сорок пять, чтобы загрузить ролик на YouTube, десять — послать ссылку всем френдам и написать им в Твиттере: «13.06. OMG!¹ Только что видел ужасную автомобильную аварию!» — и в мой журнал и на электронную почту градом посыплются сообщения в духе «ах-боже-мой».

Соболезнования вполне можете опустить. Мы с Найджелом ненавидели друг друга практически с рождения, и ни один из его поступков, включая даже гибель, нисколько не улучшил моего к нему отношения. Однако он действительно был моим братом, а потому проявите чуточку деликатности. Да и мама наверняка очень огорчена, хоть Найджел и не являлся ее любимчиком. Все-таки раньше у нее

---

¹ Вариант написания «Oh, My God!» (*англ.*) — Ах боже мой!

было три сына, а теперь — только один. То есть я. Искренне ваш, Голубоглазый, который вскоре и во все останется в полном одиночестве...

Полиция не спешила, как обычно. Сорок минут от двери к двери. Мама была внизу, готовила ланч: бараньи ребрышки с картофельным пюре и сладкий пирог на десерт. Несколько месяцев я почти не прикасался к еде, а тут вдруг почувствовал зверский аппетит. Судя по всему, настоящий голод у меня может вызвать только смерть близкого родственника.

Из своей комнаты я видел и слышал все: полицейская машина, звонок в дверь, голоса, пронзительный вскрик, какой-то грохот в холле — наверное, отлетел и ударился о стену столик для телефона, когда мать, хватаясь за воздух вытянутыми руками, упала и ее с двух сторон подхватили два офицера. Затем по всему дому распространился запах горящего жира — видимо, горели бараньи ребрышки, которые она так и оставила на гриле, когда пошла открывать...

Я воспринял это как сигнал: пора уносить ноги. Или на крайний случай прибегнуть к спасительной музыке. Я надеялся, что смогу оставить в ухе хотя бы один наушник айпода. Мама так привыкла, что в ушах у меня вечно торчат эти крошечные штуки, что, скорее всего, даже ничего не заметила бы. Но полицейские — совсем другое дело, а в тот момент мне меньше всего хотелось обвинений в бесчувственности.

— О, Би-Би, как это ужасно...

Моя мать всегда немножко играет; то была роль королевы из какой-то трагедии. Черты лица искажены, глаза широко распахнуты, разинутый рот перекошен — она более всего напоминала маску Медузы. Вытянув ко мне руки, словно надеясь утащить меня вниз, она вцепилась мне в спину пальцами, точно когтями, и стала завывать мне прямо в правое ухо, теперь совершенно беззащитное, поскольку наушник я вынул, пятная слезами, подкрашенными синей тушью, чистый воротник моей рубашки. Я уже говорил, что ненавижу всяческий беспорядок, а потому попытался отстраниться со словами:

— Ма, пожалуйста!..

Женщина-полицейский (если полицейских двое или больше, то среди них всегда есть как минимум одна женщина) приняла огонь на себя и стала ее успокаивать. Мужчина-полицейский, человек пожилой, устало посмотрел на меня и терпеливо произнес:

— Мистер Уинтер, имело место ДТП. Несчастный случай.

— Найджел? — догадался я.

— Боюсь, что да.

Мысленно я сосчитал до десяти, повторяя гитарную интродукцию Марка Нопфлера к песне «Brothers in Arms». Я сознавал, что за мной внимательно наблюдают, и не мог позволить себе ни одного неверного шага. А музыка помогает воспринимать действительность как-то легче, снимает

нежелательные всплески эмоций; мне она, во всяком случае, позволяет вести себя если не совсем нормально, то, по крайней мере, в соответствии с ожиданиями окружающих.

— Почему-то я так и подумал, — ответил я после долгого молчания. — У меня было некое странное чувство...

Полицейский кивнул, словно понимая, что я имею в виду. Мать продолжала в своем обычном духе — то вещала театрално-высокопарным тоном, то выкрикивала проклятия. А у меня крутилась одна мысль: «Ма, ты явно перегибаешь палку». Они ведь с Найджелом не были близки. Тот вообще напоминал бомбу с часовым механизмом: рано или поздно что-то подобное должно было случиться. В наши дни автомобильные аварии — дело, что называется, самое обычное, этакая трагическая неизбежность. Полоска льда на проезжей части, уличная пробка — почти идеальное преступление, о подозрениях не может быть и речи. У меня даже был порыв заплакать, но я решил воздержаться. Вместо этого просто сел, хотя и весьма неуверенно, и уронил голову на руки. Голова и впрямь болела. Головные боли преследуют меня всю жизнь, с особой жестокостью проявляясь в стрессовых ситуациях. Ничего, Голубоглазый, считай, что это просто художественный вымысел, запись в твоём веб-журнале.

И снова в поисках утешения я стал перебирать в памяти подборку своих любимых музыкальных

произведений; вот у Нопфлера вступили ударные, мягко создавая фон гитарному рифу, они звучат почти лениво, без всякого нажима и словно без малейших усилий. Хотя, конечно, усилия там необходимы. Нет ничего более точного, чем ритм барабанов. У Нопфлера удивительные пальцы — длинные, на концах будто расплющенные, они словно созданы для игры на гитаре, прямо-таки предназначены для гитарного грифа, для этих струн. Может, он и не выбрал бы гитару, если б родился с другими руками? Или все же попробовал бы освоить ее, даже понимая, что так навсегда и останется второсортным исполнителем?

— Найджел был в машине один?

— Что, мэм? — уточнил пожилой полицейский, тут же повернувшись к моей матери.

— Разве там не было... девушки? С ним... вместе? — осведомилась она с тем особым презрением, какое неизменно выказывала, говоря о подругах Найджела.

Полицейский покачал головой.

— Нет, мэм.

— Мой сын никогда не проявлял беспечности за рулем, — заявила она, еще сильнее впившись пальцами мне в плечо. — Он отлично водил машину.

Что ж, это всего лишь доказывает, как плохо она его изучила. Найджел привносил в вождение автомобиля ту же сдержанность и коварство, что и в отношения с людьми. Уж мне ли этого не знать, у меня на руках до сих пор остались свидетельства.